

Мне часто снились воздушные шары. Ими было заполнено всё небо. Наверное, это красиво, но мне такие сны казались кошмарами. Из тех, когда вроде ничего страшного не происходит, но вдруг нахлынет ощущение тревоги и осознаёшь: это нечто неправильное, пугающее. Сам не понимаешь, что именно, но вот-вот оно обрушится на тебя. И тогда всё. Конец.

— Может, тебе лечь раньше и спать хотя бы пять часов? — сердито предлагала Кира и щурила серые глаза.

Я устало отмахивался.

— Это не смертельно. Даже немного забавно.

На самом деле ничего веселого в этом не было. Когда тебя пугают во сне красивые вещи, да еще с удивительной периодичностью, — явно что-то не так.

— Тогда отпуск возьми. И поезжай куда-нибудь, где нет ни дурацких снов, ни шаров, ни меня с глупыми советами.

И я обещал и даже брал пару дней отгула, но тратил их не на сон до полудня, как любой нормальный человек, и даже не на сериалы с ноутбука в постели. Я шел в знакомый парк с фотокамерой и садился на лавку, чтобы пялиться часами в окна здания напротив. Если бы Кира увидела меня здесь — точно вызвала бы санитаров.

Это был безликий, ничем не примечательный дом. Таких множество в любом городе: они построены в семидесятые по самым простым проектам без претензий на новое слово в архитектуре. Подобные здания стыдливо прячутся за уютными скверами, прикрываются табличками всевозможных комитетов и департаментов, заполняют пространства городских улиц от одной достопримечательности до другой.

Этот дом не был исключением. Одна его стена примыкала к парку с пересохшим фонтаном, другая выходила на оживленную улицу с узким тротуаром и бесконечным потоком машин, ныряющим под высокий мост. От него падала тень на всё западное

крыло и главный вход с широкими дверьми, по бокам от которых висели десятки цветных табличек. Пыльные окна здания смотрели на меня через аллею, превращенную в парковку, выглядели вверх раскаленных от солнца автомобильных крыш и не давали отвести от себя взгляд.

Мне уже говорили, что я одержим этим зданием, но я всё отрицал. Хотя возвращался сюда каждый свободный и несвободный час, не обращая внимания на такие мелочи, как дождь или невыносимая июльская жара. Напротив здания удачно стояла скамейка, частично скрытая общипанными ветками ивы. Отсюда я, не выпуская из рук блокнот с телефоном, наблюдал за темными окнами с жалюзи, которые не открывались даже в жаркие дни. Меня можно было принять за городского чудака или местную достопримечательность, вроде статуи на фонтане с отколотой рукой. Некоторое время на меня подозрительно поглядывали охранник парковки и жирные голуби, но вскоре они потеряли ко мне всякий интерес.

Еще пару месяцев назад я спокойно проходил мимо этого здания каждый день по пути на работу и обратно, не замечая его, как и сотни других прохожих, спешивших по кривой аллее мимо серых

стен. Заканчивался дождливый июнь, и мой дядя Глеб неожиданно засобирался в отпуск. Он уже купил билеты на поезд, хотя температуру воды на южном побережье еще с большой натяжкой можно было назвать подходящей для купания. С мамой они были совсем не похожи, хоть и родные брат с сестрой, даром что дядя Глеб всего на три года старше. Мама начала бы обдумывать поездку как минимум за год, составлять списки необходимых вещей, планомерно вычеркивать купленное и убранный в чемодан. Дядя Глеб просто взял билеты, проходя мимо касс. Необходимые вещи вроде паспорта и денег у него всегда были с собой. Но за фотоаппаратом он всё же заехал.

— А на телефон пофотографировать не судьба? — спросил я, копаясь в кладовке. Где-то в ее недрах был запрятан мой старый «Олимпус».

— Максим, я тебя умоляю, — он повертел у меня перед носом выуженной из кармана кнопочной звонилкой.

— Могу дать свой.

— Тогда все две недели я буду сидеть в номере и разбираться с его настройками. Спасибо, у меня немного другие планы.

Дядя Глеб украдкой поглядывал на себя в зеркало, приглаживая рукой жидкие волосы. Видимо, прикидывал свои шансы на курортный роман.

— Вот, держи.

Я вытер рукавом пыль с аппарата и проверил батарейки.

— Тут крышка плохо держит...

— Разберись, не маленький.

Он сунул камеру в дорожную сумку и, широко улыбнувшись, протянул руки.

— Дай обниму, племяш. Увидимся нескоро. Если юга так хороши, как рассказывают по телевизору, то вряд ли я вообще вернусь. Будете сами навещать меня в отпуске. Кстати, а у тебя когда отпуск намечается?

— Скоро, — соврал я.

— Ну, я так и думал. А то поехали бы вместе.

Мысль показалась мне забавной, но не заманчивой.

— Позвоню, как доберусь.

Он торопливо скрылся за дверь, опасаясь скорого прихода мамы с ее списками, советами, килограммом бутербродов в дорогу и слезами прощания. Каждый выезд за пределы родного города представлялся ей чем-то вроде похода на войну.

Я не сильно рассчитывал на ежедневные звонки с отчетами о степени загара и качестве шашлыка. Каждое появление дяди Глеба напоминало набег. Он неожиданно появлялся на пороге, сообщал какую-нибудь весть, съедал мамины пирожки или просто всё содержимое холодильника и снова пропадал на несколько месяцев. Но в этот раз позвонил, едва успев добраться до места.

— И всё же жаль, что ты не поехал со мной, — начал он без приветствия. — На небе ни облачка, море бирюзовое. Уже представил?

Я представил.

— Ты что, с поезда сразу на пляж?

— Ну а что я в гостинице не видал? Сейчас, по дожди... — он громко возился с чем-то в трубке — скорее всего, пристраивал сумку на шезлонг и искал кошелек. — Представляешь, на пляжах теперь нельзя курить.

— Так ты же и не куришь, — напомнил я.

— Всё равно возмутительно.

Я остановился выбросить упаковку от пива в урну и замер. Обычное серое здание. Солнце спряталось за ним, и по парковке ползла тень. В темных окнах тут и там сновали люди,

на подоконниках пылились папки с документами и сломанные принтеры. Бешено жужжали кондиционеры. А в окне второго этажа стоял вполоборота, опираясь на подоконник и приложив телефон к уху, дядя Глеб.

— Дядя?

— Оу, — он пошуршал тапками о песок. В трубке плескались волны и пронзительно кричали чайки.

Дядя Глеб в окне улыбнулся и переложил трубку к другому уху. Меня он не замечал.

— Ты точно на море?

Глупый вопрос, заданный скорее от неожиданности. Высокий лысый лоб, густые брови, рубашка в широкую клетку, подаренная мамой на какой-то юбилей. Это был не просто похожий на дядю Глеба человек в окне. Там стоял дядя Глеб.

— Тебе дать волны послушать? Или ракушку в подарок захватить? Тебе уже не десять лет, конечно, но я могу, мне не жалко.

Он засмеялся.

Дядя в окне засмеялся. Повернулся ко мне спиной и присел на подоконник. Я увидел знакомую сутулую спину.

— Знаешь, намного лучше, чем я ожидал. Меня пугали рассказы про грязное море, кучи мусора на пляже и совершенно грабительские цены. Но теперь убедился, что не надо никого слушать. Лучше просто сесть в поезд и увидеть всё своими глазами. Сейчас вот борюсь с желанием подольше погреться на солнце. Не хочу обгореть в первый же день, — дядин двойник в окне снова переложил трубку. — Знаешь, рекомендую всё же взять отпуск. Или просто послать к чертям собачьим работу и мчать сюда. Прихвати маму — уже лет пятнадцать из города не выбиралась со своими хлопотами. И девушку свою. Как ее, Кира вроде?

— Дядя Глеб, мы не...

— Хорошая девочка. Подумай, в общем. А теперь извини, племяш, но мне пора. Твой дядя Глеб желает плюхнуться в море.

Крики чаек смолкли.

Дядя Глеб сунул телефон в карман брюк и отошел от окна.

Телефон отвлек меня от раздумий, он жалобно завибрировал и пополз к краю лавки, грозя упасть на тротуарную плитку. На экране

высветился портрет звонившего — задумчивая девушка с тонкими губами, прямым носом и едва заметными веснушками под серыми глазами. Даже на фотографии она сердилась.

— Максим? — ее голос был предательски мягким.

— Кира, привет, — я старался говорить быстро и непринужденно, словно стою за кофе в «Старбакс» и вот-вот подойдет моя очередь. Будто Киру это могло обмануть.

— Я звонила семь раз. И домой тоже.

— Прости, не слышал.

— Конечно. Сейчас скажешь, что на работе завал. Так?

— Что-то вроде того, — неуверенно соврал я.

Кира вздохнула в трубку. Гневно помолчала несколько секунд, и я успел заметить движение в окнах верхнего этажа здания, с которого всё еще не спускал глаз.

— Максим, сколько лет мы знакомы?

Я промолчал. Знакомы мы были семь лет. Я некоторое время безуспешно привлекал ее внимание — сероглазой стройной девочки с параллельного курса, раздававшей улыбки и поцелуи в щеку кому угодно, кроме меня, терявшего